

УДК 574

DOI: 10.28995/2686-7249-2023-7-279-292

Экологический дискурс после энвайронментального поворота: климатические конференции ООН

Анастасия А. Кулешова

*независимый исследователь, Москва, Россия,
a.koulech@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена анализу современного экологического дискурса в мировом общественном пространстве. Многосторонние конференции по проблемам экологии становятся признанной площадкой с высокой степенью конвенциональности и легитимности. В статье рассматриваются элементы и маркеры, позволяющие судить о ценностных основаниях дискурсивных высказываний и отношениях, возникающих между субъектами. Исследования экологического дискурса, проводимые в гуманитарных науках с позиции энвайронментального познавательного поворота, дают возможность представить сложность современных общественных представлений о природе и человеке и сформировать новый взгляд на содержание дискуссий об экологическом в публичном поле.

Ключевые слова: экологический дискурс, климатическая конференция ООН, COP26, энвайронментальный поворот, адаптация, субъектность

Для цитирования: Кулешова А.А. Экологический дискурс после энвайронментального поворота: климатические конференции ООН // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2023. № 7. Ч. 2. С. 279–292. DOI: 10.28995/2686-7249-2023-7-279-292

Environmental discourse after the environmental turn. UN climate conferences

Anastasia A. Kuleshova

independent researcher, Moscow, Russia, a.koulech@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the analysis of modern environmental discourse in the global public space. Multilateral conferences on environmental issues are becoming a recognized platform with a high degree of conventionality and legitimacy. The article examines elements and markers that make it possible to judge the value foundations of discursive statements and the relationships that arise between subjects. Studies of environmental discourse, conducted in the humanities from the perspective of an environmental cognitive turn, make it possible to present the complexity of modern public ideas about nature and man and form a new view on the content of discussions about the environment in the public field.

Keywords: ecological discourse, UN climate conference, COP26, environmental turn, adaptation, subjectivity

For citation: Kuleshova, A.A. (2023), “Environmental discourse after the environmental turn. UN climate conferences”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 7, part 2, pp. 279–292, DOI: 10.28995/2686-7249-2023-7-279-292

На протяжении последних 50 лет человечество активно включает экологические вопросы в публичную повестку. Со временем формируются различные типы нарративов о проблемах экологии. Эти нарративы, в зависимости от контекста, целей и других факторов, могут основываться на научной, экономической, социальной, политической, этической, философской риторике и сочетать их элементы. Экологическая повестка включает в себя широкий спектр тем, от сохранения биологического разнообразия до загрязнения окружающей среды. В разные периоды в фокус внимания исследователей и людей, специально не погруженных в тему экологии, попадают те или иные проблемы из этого поля. С середины 2010-х гг. важную часть общественного внимания занял вопрос изменения климата планеты, называемого антропогенным климатическим кризисом. Эта часть экологической повестки была актуализирована, выведена из преимущественно научного в поле широкого публичного обсуждения и дискуссий в рамках ряда существующих институций, включая дипломатические. Этот социокультурный процесс сопровождается формированием специфического, зачастую неоднородного, дискурса.

Первая всемирная климатическая конференция состоялась 12–23 февраля 1979 г. в Женеве. Она содействовала развитию научных исследований и вывела проблемы экологии на правительственный и межправительственный уровень с созданием в 1988 г. Межправительственной группы экспертов по изменению климата (МГЭИК). Крупнейшее и наиболее важное международное соглашение по климату – Парижское – было принято в 2016 г. Итогом стали договоренности стран по снижению выбросов углерода в окружающую среду. Однако сначала экоактивисты, а теперь и сами участники конференций сейчас все чаще говорят о проблеме недостаточной эффективности принятых соглашений. Основная формула претензий звучит как: мы знаем о проблеме, знаем, что она вызвана действиями человека, у нас есть площадки, есть инструменты, мы приняли договоренности, однако пока что мы все равно не действуем и движемся к катастрофе (обрекаем себя на нее)¹. Возникает вопрос о причине подобного признания неэффективности экономических и социальных мер, разрыве между риторикой и практикой. Из этого вытекает еще один вопрос: может ли причиной быть само устройство экологического дискурса?

Моей гипотезой стало то, что исследование экологического дискурса [Иванова 2007; Левушин 2009; Калёнова, Дубровская 2015] может выявить сложность современных представлений о природе и человеке и, соответственно, сформировать новый взгляд на сам разговор об экологическом в публичном поле.

Базовая концепция, без которой не обходится никакое обсуждение экологического, – это концепция антропоцена. Оставим за скобками проблематичность этого термина – ей посвящено достаточно большое количество работ энвайронментальных исследователей [Steffen 2011]. Я выделю тот основной аспект, который представляется мне важным. Концепция антропоцена говорит о том, что у человечества больше нет стабильной, независимой и нейтральной среды обитания. Эти изменения важны, поскольку влияют на то, как мы воспринимаем то, что мы называем «проблемами экологии», и как говорим о них.

Б. Латур в работе «Где приземлиться?» [Латур 2018] указывает на важнейшее обстоятельство: «Так называемые ценности, которые отстаивают политические акторы, всегда представляют собой ответы на вызовы со стороны некоей территории, ожидающей описания. Именно в этом состоит важнейшее открытие политиче-

¹ UN Secretary General at #COP26: “We know what must be done” // UN Climate Change. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=CN3nbQSG2tY> (дата обращения 12 января 2022).

ской экологии: политика является объектно-ориентированной». «Природа» – важнейшая узловая точка дискурса об экологии. От того, каким значением она наполняется, зависят значения других элементов, кристаллизующихся вокруг нее или противопоставляемых. От того, как определена «природа», как она описана, зависят моральные предпосылки и политические решения о взаимодействии с ней.

Текущее состояние экологии как науки уже с 1970-х гг. способно выявить и показать радикальную сложность, комплексность процессов, происходящих в экосистемах, и то, что человек является неотъемлемой и значимой частью этих процессов. Формирование простой картины мира, дающей ощущение стабильности, предсказуемости, контролируемости, безопасности, познаваемости, в таких условиях представляется крайне трудным, если не невозможным. Небольшой, но показательный пример обнаружения такой сложности можно найти в статье «Ценности и экология: пролегомены к экологической этике» [Carter, Lasenby 1977] еще задолго до мортонских [Morton 2013] гиперобъектов. В ней обсуждается исследование канадских экологов, пытавшихся проследить энергетические биологические процессы в арктическом озере Чар Лейк в 1967 г. Исследование заняло пять лет и завершилось в основном описательной работой, поскольку количество выявленных факторов, влияющих даже на отдельно взятую локальную экосистему, вышло за пределы возможности их качественно проанализировать. Накопленное знание о функционировании экосистем говорит, что необходимо с большим вниманием и осторожностью взаимодействовать с природным миром. Американский философ Х. Ролстон [Rolston 2012] предлагает обобщить произошедшие сдвиги в понимании окружающей среды и подходах к изучению системы «человек – природа» в концепции энвайронментального поворота. Энвайронментальный поворот, как и другие познавательные повороты, возникает в ситуации, когда существующие подходы к ценностям, знанию, исследованиям, управлению в области взаимодействия человека и окружающей среды перестают отвечать накопившимся вызовам.

Можно сказать, что главным вопросом, стоящим за всем разнообразием современной экологической проблематики, является вопрос о внимательном переосмыслении структуры, которую мы условно называем «человек и природа». Стоит ли человек в центре собственной ценностной системы? Как именно воспринимается природа, окружающая среда? На чем основывается отношение человека к животным, растениям, ландшафту, в котором он проживает? Человек постоянно осмысляет и переопределяет для себя различные категории, соотносит себя с окружающим миром. В этих

условиях возникает экологическая этика как поле диалога и выработки новых ценностей, отвечающих запросам времени, поскольку вопросы естественнонаучные не представляется возможным решить без затрагивания категорий ценностей и смысла.

При изучении экологического дискурса важно понимать, что ценностные основы не всегда выражены эксплицитно, более того, не в каждом дискурсивном акте мы увидим непротиворечивую систему высказывания. Так, Ролстон в статье «Есть ли экологическая этика?» [Rolston 1975] указывает на проблемность выражения и рефлексии ценностных основ тех разновидностей этик, которые обозначаются как экологические/не антропоцентрические. Поэтому, чтобы понять, как устроен современный экологический дискурс, нам необходимо выделить те маркеры – как вербальные, так и невербальные, – которые позволят нам в результате получить представление о ценностях, на которых основаны конкретные высказывания и их сочетания.

Когда мы говорим об этике, мы говорим, о каком моральном предписании, лежащем в ее основе, идет речь. Ролстон исходит из тезиса о том, что связка утверждения о должностовании (что следует делать) и соответствующей ему предпосылки (для чего следует это делать) становится этической только в тот момент, когда субъекту предлагается некоторая цель, и данная цель обозначается как ценность (value). Эту схему я принимаю как рабочую, чтобы понять, какие моральные предписания можно выделить при рассмотрении высказываний внутри экологического дискурса.

Я изучила артикуляцию дискурса, сложившуюся на климатической конференции COP26 в Глазго, и сконцентрировалась на ключевых словах и метафорах, чтобы описать, каким образом и вокруг каких узловых точек кристаллизуются значения в артикуляции дискурса, какие моральные предписания организуют дискурс.

Почему климатические конференции? Они обладают значительной степенью легитимности и конвенциональности. Такие конференции призваны решить проблему климатического кризиса, и от того, смогут ли стороны, каждая со своими интересами, прийти к общему пониманию и реалистичным планам действий, зависит успешность конференции. Многосторонние конференции считаются основной, наиболее «правильной» площадкой для обсуждения экологических проблем. Другие дискурсы, разворачивающиеся в другом контексте (например, активистские и научные), занимают второстепенное положение, им предлагается включиться в основной, как его часть, либо исключаются. И это исключение, с моей точки зрения, важно и как утверждение своей этической позиции в качестве ведущей: дискурс уже структурно легитимирован как ее носитель.

Конференция – площадка для проговаривания интенций и планирования действий. Для того чтобы лучше понимать значение предлагаемых спикерами действий, нам прежде всего нужно понять, кому они предлагаются, кем они совершаются и на кого они направлены. Через это оказываются актуализированы разные варианты бытности субъектом и объектом. Кто является значимым Другим, то есть кого мы принимаем во внимание при принятии решений? На каких основаниях значимые Другие выделяются? Как мы должны выстраивать отношения с этими Другими?

Одним из важных наблюдений является то, что дискурсивно происходит попытка сложной интеграции и уравнивания в значимости разных и разноуровневых субъектов². Она выражена как в задании контекста, в организации конференции, где приветствуется участие всех, так и дискурсивно: «действия всех важны», «вклад всех необходим» (essential). Некоторыми спикерами подчеркиваются особенности разных групп, их уникальный вклад в общий разговор. Так, Генеральный секретарь ООН и один из ключевых спикеров COP26 Антонио Гутерриш был «вдохновлен» тем, как коренные народы привносят «динамизм и собственный пример», гражданское общество – пример «мобилизации», молодые люди – «голос совести», женские группы – «неустанную включенность», частный сектор – «растущую сознательность». Правительства государств же со своей стороны должны «подхватить темп и показать необходимые усилия по смягчению последствий, переговорам и финансированию»³.

Таким образом, мы видим декларируемое стремление предоставить как можно более широкий доступ к дискурсу в попытке выработать общее решение климатического кризиса. Однако это не получается сделать без проблем, поскольку не любой способ жить из тех, что пробуют разные человеческие сообщества, подходит для того, чтобы быть реализованным, не все возможны при соблюдении общей рамки: планетарных границ, конечности ресурсов, катастрофического влияния друг на друга даже разделенных тысячами километров сообществ. Для всех наших проектов у нас нет подходящей планеты [Латур 2018, с. 143–144], а значит, должна

² См. перечисление значимых сторон в выступлении Патрисии Эспинозы: Patricia Espinosa at COP26: “The eyes of the world are on Glasgow” // UN Climate Change. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=gag6J7DoiwY&> (дата обращения 12 января 2022).

³ UN Secretary General at #COP26: “We know what must be done” // UN Climate Change. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=CN3nbQSG2tY> (дата обращения 12 января 2022).

быть предложена новая цель. Какая априорная ценность будет заложена в основу нового решения? Ради чего необходимы действия по преодолению климатического кризиса? Что предлагается как результат и, соответственно, как благо для человека, которому суждено жить в новом мире? Исходя из того, как в обществе определены представления о «хорошей жизни» (good life), строятся модели достижения ее, сценарии и маршруты, обсуждаемые в сфере реальной политики и управления.

Для европейских стран благо артикулируется через такие категории, как благополучие, безопасность, рабочие места, способность обеспечить себя, стабильность и предсказуемость экономики, возможности для граждан. Важное место здесь занимают высказывания о стабильности, экономическом положении, рабочих местах. Гутерриш в своем выступлении на COP26 подчеркивает, что меры по изменению экономики в пользу климатической стабильности должны проводиться, «в то же время гарантируя, что работники и сообщества не останутся забытыми»⁴. Устойчивая, «зеленая» экономика позиционируется как благо, способное обеспечивать людей рабочими местами, а также дешевой и чистой энергией⁵. Такой аргумент широко распространен среди лидеров европейских стран, выступавших на конференции. Эта ценность вводится как замещение той, от которой необходимо отказаться, как этическая аргументация необходимости ограничить потребление ради блага всех. Достаточность (в противоположность чрезмерности, неограниченности потребления) позиционируется как критерий для оценки благосостояния человека: «хватит» экономического развития в сочетании с предупреждающим «мы копаем собственные могилы»⁶.

Другая линия, важная для момента «благо» – выживание как человечества в целом, так и отдельных субъектов: «Поражение – смертный приговор»⁷, «4 градуса – и мы попрощаемся с целыми городами»⁸. Особенно ярко это значение актуализируется в выска-

⁴ Ibid.

⁵ COP26 president Alok Sharma's opening speech at the UN Climate Change // UN Climate Change. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=oew6OO9azys> (дата обращения 8 июня 2022).

⁶ UN Secretary General at #COP26: "We know what must be done" // UN Climate Change. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=CN3nbQSG2tY> (дата обращения 12 января 2022).

⁷ Ibid.

⁸ British prime minister Boris Johnson at the opening of the #COP26 World Leaders Summit // UN Climate Change. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=41XyrAbDMOM&> (дата обращения 20 марта 2022).

званиях об уязвимых сообществах – тех, которые уже живут в ситуации климатического кризиса и испытывают его последствия в повседневности.

Представители уязвимых сообществ остро ощущают и транслируют это значение элемента «благо» и говорят о нем, как и о том, что разность пониманий блага создает проблемы, когда субъектность участника конференции неполна и ограничивается правом на голос. Так, Элизабет Ватути, активистка из Кении, заметно нервничая, говорит о зависимости положения ее страны от того, услышат ли ее голос: «Я долго думала, какие слова могут тронуть вас, и поняла: будут ли 4 мои минуты что-то значить, зависит не только от меня. <Для этого> вы должны слушать (fully listen)»⁹.

Две эти линии объединяет страх потери, либо жизни, либо привычного образа жизни, емко выраженный во фразе «конец человеческой жизни, какой мы ее знаем»¹⁰. В высказываниях спикеров легко выделяется мотив «столкновения с реальностью». Игнорирование «реальности» ведет к последствиям, которые не укладываются в рамки этически допустимого. Среди таких последствий: смерти, разрушения, катастрофы, невозможности поддержания базового образа жизни (голод, жажда, болезни, отсутствие работы, разрушение места проживания). И область значимых Других, для которых эти последствия принимаются во внимание, принципиально распространяется на всех населяющих планету. Разговор о цене неверных решений из всех тем на COP26 наиболее маркирован эмоциональностью: наиболее интенсивный визуальный контакт, громкость речи и жестикация сопровождают его у большинства спикеров. Чем мы готовы пожертвовать, чтобы реализовать какие-то другие ценности, если не экологические, готовы ли мы на такое? Кого мы готовы подставить под удар? А если не готовы, то почему, ради чего? Ответственность – крайне важный элемент экологического дискурса, вырастающий из столкновения со сложностью мира и зависимостью элементов между собой. Субъект, наделенный возможностью действовать, напрямую влияет на мир и тех, кто также его населяет. Он может «ставить под угрозу», «игнорировать» реальность, что приведет к «поражению», «гибели», «катастрофе», либо, напротив, «проснуться», «посвятить»

⁹ Elizabeth Wathuti at #COP26: “Please open your hearts” // UN Climate Change. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=VMvzJu79WG0> (дата обращения 20 марта 2022).

¹⁰ British prime minister Boris Johnson at the opening of the #COP26 World Leaders Summit // UN Climate Change. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=41XyrAbDMOM&> (дата обращения 20 марта 2022).

себя «задаче», «делу», «признать» степень своего воздействия и собственные силы и «выбрать» другой путь: «разрядить бомбу», построить «спасательную лодку для человечества» и «положить путь в будущее».

Если предлагается не игнорировать Других, то как мы можем обозначить тот желаемый тип отношения между субъектами, который предлагается в рамках нашего дискурса? Кажется логичным связать его с элементом «забота», однако «забота» в прямом и привычном значении оказывается частично вытеснена попыткой отойти от патернализма в отношении уязвимых сообществ, деконструировать европоцентристскую иерархию. Это предположение представляется в полной мере справедливым в отношении европейских стран, представители которых говорят о факторе исторической вины: «Мы в <значительная пауза> развитом мире должны осознать особую ответственность и помочь всем остальным с <развитием зеленой энергетики>, потому что здесь, в Глазго, 250 лет назад Джеймс Ватт изобрел паровую машину, работающую на сжигании угля. Да, друзья, мы собрали вас в том самом месте, где машина Судного дня начала свой отсчет»¹¹. Затянувшаяся пауза перед «развитый мир» в выступлении британского политика Бориса Джонсона, на мой взгляд, сигнализирует о неуверенности и осознании если не проблематичности устоявшегося термина, то, по крайней мере, его не нейтральности. Я интерпретирую это как попытку формирования некоторого нового отношения к Другим, что делает возможным изменение представлений об отношениях субъектов в целом.

Однако в целом на уровне языка иерархии пока что все равно сохраняются: развитые и развивающиеся страны, лидеры, люди, принимающие решения (decision-makers), и толпа. Такое разделение проходит по линии способности действовать, быть актором – это другой способ бытности субъектом. Есть субъекты, имеющие доступ и к голосу, и к действию (главным образом это развитые страны), и те, кто ограничен голосом (уязвимые сообщества, во многом зависящие от действий развитых). Так, даже среди стран – непосредственных участников переговоров – есть те, что «не справятся без нашей помощи». «Индонезия и Вьетнам пообещали отказаться от угля к 2040 г. – им потребуется <интонационное выделение, акцентирующая пауза> поддержка»¹². Таким образом,

¹¹ Ibid.

¹² UN Secretary General at #COP26: “We know what must be done” // UN Climate Change. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=CN3nbQSG2tY> (дата обращения 12 января 2022).

субъектность, т. е. принимаемость как значимого, учитываемого в принятии решений, как источника ценностей, внутри дискурса оказывается неравномерной, несмотря на декларируемое равенство.

Помимо этого, возникает другая точка напряжения и борьбы. Организаторы конференции одновременно пытаются включить в единое дискурсивное пространство «всех», ведь истории и «действия каждого/всех необходимы», и найти «общие цели» и «решения». Для этого необходимо, чтобы предлагаемое в качестве блага было принято как новая и достаточная ценность. Возникает сложный баланс между тенденциями латуровских плюс-глобализации (усложняющей, умножающей точки зрения) и минус-глобализации (упрощающей, универсализирующей, уменьшающей «число альтернатив», способов жизни) [Латур 2018, с. 30]. Напряжение усиливается еще больше, поскольку существует некоторая цена любого решения, и она должна представляться оправданной, приемлемой для всех участников.

Пока это та проблема, решения которой не найдено. Но если говорить об уровне языка – что меня и интересует – участники уже предлагают новые варианты говорения друг о друге, смещающие акценты значений. Например, «развивающиеся» обозначаются как «уязвимые» (подчеркивая контекст климатической угрозы и необходимость серьезного отношения к ней), или «островные государства» (с точки зрения языка помещая этот знак в нейтральный геофизический контекст). Так что, возможно, «вместо того чтобы добиваться согласия между всеми агентами, вдающимися друг в друга, нужно учиться от них зависеть» [Латур 2018, с. 150] и начать хотя бы с того, чтобы их «принимать во внимание».

Другим важным изменением дискурса я считаю появление элемента «адаптация» и некоторое вытеснение элемента «развитие», даже «устойчивое»: sustainability сама по себе оказывается более важным словом. Так, еще один важный спикер, британский телеведущий и натуралист Дэвид Аттенборо, в коротком документальном фильме, представленном на открытии COP26, говорит о стабильности климата как о том решающем факторе, который обеспечил саму возможность для развития человеческой цивилизации¹³. Здесь же важно заметить, что среди всех высказываний о природе из отобранных мной источников я не увидела призывов к «охранению» в чистом виде, что свидетельствовало бы о восприятии природы как чего-то отдельного, находящегося вовне, идеального

¹³ David Attenborough at the opening of the #COP26 World Leaders Summit // UN Climate Change. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=MTkm19hvNio> (дата обращения 12 января 2022).

и изначального, что требовалось бы вернуть к нетронутому состоянию и музеифицировать. Наиболее близкие к этому «вернуть баланс в природу» и «спасти планету» все же находятся в контексте призывов к «адаптации» и к признанию изменчивости как свойства природы самой по себе, к «столкновению с реальностью» и работе на условиях этой реальности.

Адаптация к последствиям климатического кризиса вообще является одной из магистральных тем на COP26, и пакет решений по адаптационным мерам считается одним из главных достижений конференции. Адаптация столь важна как новый элемент дискурса, поскольку концептуально открывает возможность научиться не просто сосуществовать, но, по выражению Латура, жить, «раскрепостившись» «в складках Земли» [Латур 2018, с. 139]. Не побег из реальности, не переделка реальности, не упрощение реальности – и несмотря на это, возможность надежды: «Если мы сделаем то, что обещаем здесь, человечество научится жить внутри <акцент> планетарных границ, что значит <интонационное выделение, пауза, жестикация – подчеркивается важность цепочки медиации> что нас ждет благополучное, безопасное будущее <акцент на каждом эпитете> для каждого человеческого существа на этой планете»¹⁴.

Таким образом, я предлагаю рассматривать экологический дискурс как пересобираемый и ситуативный. Такой дискурс постоянно обновляется, участники находят слова, зачастую, на мой взгляд, интуитивно, и пробуют их в качестве концептуальных отмычек, чтобы посмотреть, будут ли они работать, будут ли они давать прирост понимания ситуации. Так, например, «глобальное потепление» в публичной риторике в какой-то момент уступило место «климатическим изменениям», а затем и «климатическому кризису». Слово «адаптация» также было в определенный момент найдено и включено в этот дискурс, начало каким-то образом в нем работать, определять самим своим наличием значения других элементов, влиять на их восприятие и использование.

Любая фиксация значений образует область дискурсивности, область вытесненного [Филлипс, Йоргенсен 2008], а значит, дает возможность выхода за пределы одной системы представлений и системы отношений между субъектами/объектами в другую, выбора из некоторого ряда ценностных оснований. Эта проблема обостряется, поскольку мы сталкиваемся с тем фактом, что неопределенность и ощущение неопределенности, сложности –

¹⁴ Timmermans at COP26 closing Plenary // UN Climate Change. URL: <https://youtu.be/EYL7ga-ae1g?t=8065> (дата обращения 8 июня 2022).

центральное свойство самого предмета, отправная точка в понимании современного состояния природы и человека в ней. Причина этой неопределенности и тревожности не метафизического характера: смирение с погруженностью в гиперобъекты опирается не на систему верований, а в том числе на твердые научные данные, на неизбежно усложнившееся в результате энвайронментального поворота восприятие мира. Как будет дальше развиваться экологический дискурс в этих условиях – интригующий вопрос, и появляющиеся ответы смогут дать нам новые представления о себе и природе.

Благодарности

Автор благодарит Наталью Сергеевну Галушину за помощь и поддержку, оказанные ею во время работы над исследованием, которое легло в основу данной статьи, и Юлия Арамовича Асоян за возможность продолжить исследования в этом направлении.

Статья подготовлена в рамках работы СПНК «Энвайронментализм и экокритицизм в гуманитарных науках» на средства гранта РГГУ.

Acknowledgements

The author would like to thank Natalia Sergeevna Galushina for her help and support during the work on the research that has provided the basis for this article, and Yuli Aramovich Asoyan for the opportunity to continue research in this field.

The article was prepared as part of the work of the student research team “Environmentalism and Ecocriticism in the Humanities” funded by a grant provided by Russian State University for Humanities.

Литература

- Иванова 2007 – *Иванова Е.В.* К проблеме исследования экологического дискурса // Политическая лингвистика. 2007. № 3 (23). С. 134–137.
- Калёнова, Дубровская 2015 – *Калёнова О.Г., Дубровская Т.В.* К проблеме определения экологического дискурса и его жанров // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 2 (16). С. 6–12.
- Латур 2018 – *Латур Б.* Где приземлиться? Опыт политической ориентации. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2019. 202 с.

- Левушин 2009 – *Левушин А.Н.* Экологический дискурс в повседневной культуре // Личность. Культура. Общество. 2009. Т. 11. № 4. С. 385–395.
- Филлипс, Йоргенсен 2008 – *Филлипс Л., Йоргенсен М.* Дискурс-анализ: теория и метод. Харьков: Изд-во «Гуманитарный центр», 2008. 352 с.
- Carter, Lasenby 1977 – *Carter R.E., Lasenby D.C.* Values and ecology. Prolegomena to an environmental ethics // *Alternatives*. 1977. Vol. 6. No. 2. P. 39–43.
- Morton 2013 – *Morton T.* Hyperobjects. Philosophy and ecology after the end of the world. Minneapolis, Saint Paul: University of Minnesota Press, 2013. 229 p.
- Rolston 1975 – *Rolston H.* Is there an ecological ethic? // *Ethics*. 1975. Vol. 85. No. 2. P. 91–109.
- Rolston 2012 – *Rolston H.* A new environmental ethics. The next millennium for life on Earth. N.Y.; L.: Routledge, 2012. 266 p.
- Steffen 2011 – *Steffen W., Grinevald J., Crutzen P., McNeill J.* The Anthropocene. Conceptual and historical perspectives // *Philosophical Transactions. Mathematical, Physical and Engineering Sciences (Series A)*. 2011. Vol. 369. Iss. 1938. P. 842–867.

References

- Carter, R.E. and Lasenby, D.C. (1977), “Values and ecology. Prolegomena to an environmental ethics”, *Alternatives*, vol. 6, no. 2, pp. 39–43.
- Ivanova, E.V. (2007), “On the problem of studying environmental discourse”, *Political linguistics journal*, vol. 23, no. 3, pp. 134–137.
- Kalenova, O.G. and Dubrovskaya, T.V. (2015), “On the problem of defining environmental discourse and its genres”, *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, vol. 16, no. 2, S. 6–12.
- Latour B. (2018). *Gde prizemlit'sya? Opyt politicheskoi orientatsii* [Where to land? Experience of political orientation], Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, Saint Petersburg, Russia.
- Levushin, A.N. (2009), “Environmental discourse in everyday culture”, *Personality. Culture. Society*, vol. 11, no. 4, pp. 385–395.
- Morton, T. (2013), *Hyperobjects. philosophy and ecology after the end of the world*, University of Minnesota Press, Minneapolis, Saint Paul, USA.
- Phillips, L. and Jorgensen, M. (2008), *Diskurs-analiz: teoriya i metod* [Discourse analysis. Theory and method], Gumanitarnyi tsentr, Har'kov, Ukraine.
- Rolston, H. (1975), “Is there an ecological ethic?”, *Ethics*, vol. 85, no. 2, pp. 91–109.
- Rolston, H. (2012), *A new environmental ethics. The next millennium for life on Earth*, Routledge, New York, USA, London, UK.
- Steffen, W., Grinevald, J., Crutzen, P. and McNeill, J. (2011), “The Anthropocene. Conceptual and historical perspectives”, *Philosophical Transactions. Mathematical, Physical and Engineering Sciences (Series A)*, vol. 369, iss. 1938, pp. 842–867.

Информация об авторе

Анастасия А. Кулешова, независимый исследователь, Москва, Россия;
a.koulech@gmail.com

Information about the author

Anastasia A. Kuleshova, independent researcher, Moscow, Russia;
a.koulech@gmail.com